

Господь же шел пред ними днем
в столпе облачном, показывая им
путь, а ночью в столпе огненном, све-
тя им, дабы идти им и днем и ночью.

Исх. 13:21

Действующие лица

Надеюсь, читатель, этот список не понадобится. Всякий раз, когда, как мне кажется, какой-либо персонаж может выпасть из памяти, в тексте дается вежливое напоминание. Но порой читатель откладывает книгу в сторону и не возвращается к ней неделю, а то и больше (знаю за собой такую привычку), и забывает имена. Поэтому вот список действующих лиц, которые упоминаются в книге чаще одного раза, — а вдруг пригодится?

АНГЛИЯ

Домохозяйство Уиллардов

Нед Уиллард
Барни, его брат
Элис, их мать
Малькольм Файф, конюх
Джанет Файф, экономка
Эйлин Файф, дочь Малькольма и Джанет

Домохозяйство Фицджеральдов

Марджери Фицджеральд
Ролло, ее брат
Сэр Реджинальд, их отец
Леди Джейн, их мать
Наоми, служанка
Сестра Джоан, тетушка Марджери

Домохозяйство Ширингов

Барт, виконт Ширинг
Суизин, его отец, граф Ширинг
Сэл Брендон, экономка

Пуритане

Филберт Кобли, арматор (судовладелец)
Дэн Кобли, его сын
Рут Кобли, дочь Филберта
Донал Глостер, помощник-писец
Отец Иеремия, священник церкви Святого Иоанна в Лаверс-филде
Вдова Поллард

Прочие

Брат Мердо, бродячий проповедник
Сюзанна, графиня Брекнок, подруга Марджери и Неда
Джонас Бэкон, шкипер «Ястреба»
Джонатан Гринленд, первый помощник на «Ястребе»
Стивен Линкольн, священник
Родни Тилбери, судья

Реальные исторические лица

Мария Тюдор, королева Англии
Елизавета Тюдор, ее единокровная сестра, позднее королева Англии
Сэр Уильям Сесил, советник Елизаветы
Роберт Сесил, сын Уильяма
Уильям Аллен, глава английских католиков в изгнании
Сэр Фрэнсис Уолсингем, глава тайной королевской службы

ФРАНЦИЯ

Семейство Пало

Сильви Пало
Изабель Пало, ее мать
Жиль Пало, ее отец

Прочие

Пьер Оман
Виконт Вильнев, соученик Пьера
Отец Муано, наставник Пьера
Нат, служанка Пьера

Гийом Женеvский, странствующий проповедник
Луиза, маркиза Нимская
Люк Мориак, грузовой брокер
Афродита де Болье, дочь графа Болье
Рене Дюбеф, портной
Франсуаза Дюбеф, его молодая жена
Маркиз де Ланьи, аристократ-протестант
Бернар Усс, молодой придворный
Элисон Маккей, фрейлина королевы Марии Шотландской

Вымышленные домочадцы семейства де Гизов

Гастон ле Пан, командир семейной стражи де Гизов
Брокер и Растро, головорезы под командой Гастона
Вероник де Гиз
Одетта, служанка Вероник де Гиз
Жорж Бирон, наемник

Реальные исторические личности — семейство де Гизов

Франсуа, герцог де Гиз
Анри (Генрих), сын Франсуа
Шарль, кардинал Лотарингский, брат Франсуа

Реальные исторические лица — Бурбоны и их союзники

Антуан, король Наварры
Анри (Генрих), сын Антуана
Луи (Людовик), принц де Конде
Гаспар де Колиньи, адмирал Франции

Реальные исторические лица — прочие

Генрих II, король Франции
Екатерина де Медичи, королева Франции
Дети Генриха и Екатерины:
— Франсуа (Франциск) II, король Франции
— Шарль (Карл) IX, король Франции
— Анри (Генрих) III, король Франции
— Маргарита, королева Наварры
Мария Стюарт, королева Шотландии
Шарль де Лувье, наемный убийца

ШОТЛАНДИЯ

Реальные исторические личности

Джеймс Стюарт, незаконный брат Марии Шотландской
Джеймс Стюарт, сын Марии Шотландской, позднее король
Джеймс VI Шотландский и Иаков I Английский

ИСПАНИЯ

Семья Крус

Карлос Крус
Тетушка Бетси

Семья Руис

Херонима
Педро, ее отец

Прочие

Архидьякон Ромеро
Отец Алонсо, инквизитор
Капитан Гомес по прозвищу Железная Рука

ГОЛЛАНДИЯ

Семейство Фольман

Ян Фольман, двоюродный брат Эдмунда Уилларда
Имке, его дочь

Семейство Виллемсен

Альберт
Бетье, жена Альберта
Дрике, их дочь
Эви, овдовевшая сестра Альберта
Маттус, сын Эви

Другие

Эбрима Дабо, раб из народа мандинка
Белла, торговка ромом с Испаньолы

Пролог

Мы повесили его перед собором Кингсбриджа, как заведено, на обычном месте для казней. В конце концов, если не можешь убить человека на глазах у Господа, тебе вообще не стоило его убивать.

Шериф вывел его из темницы под зданием гильдейского собрания, с руками, крепко связанными за спиной. Он ступал твердо, взгляд бесстрашно устремлен вперед, бледное лицо выражало решимость.

Толпа проклонила его и осыпала насмешками. Он словно не замечал зевак. Зато увидел меня. Наши взгляды встретились, и между нами будто промелькнула вся жизнь.

На мне лежала вина за его смерть, и он это знал.

Я охотился за ним много лет. Он был заговорщиком и истребил бы половину правителей нашей страны, в том числе большинство членов королевской семьи, всех разом, удайся ему тот жестокий и кровавый замысел — и не сумей я его остановить.

Я всю свою жизнь выслеживал таких, как он, злодеев, намеревавшихся совершить то или иное преступление, и многих из них казнили; их не просто вешали, а растягивали на дыбе и четвертовали, ибо таково достойное воздаяние тем, кто замышляет наихудшее на свете злодейство.

Да, я много раз наблюдал, как умирает человек, сознающий, что именно мне, больше, чем кому-либо другому, он обязан сей справедливой, но жестокой карой. Я делал это для своей страны, которая мне дорога, для своей государыни, которой служу, а также ради, если угодно, некоего принципа, ради убеждения, что всякий человек вправе самостоятельно выбрать, как относиться к Богу.

Он был последним из множества людей, отправленных мною в ад, однако его смерть заставила меня вспомнить первого...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1558

Глава 1

1

Нед Уиллард вернулся домой, в Кингсбридж, под пологом снежной бури.

Из гавани Кума он поднялся вверх по реке на неторопливом суденышке, нагруженном сукном из Антверпена и вином из Бордо. Когда, по его прикидкам, суденышко наконец доползло до окрестностей Кингсбриджа, он плотнее запахнул французский плащ, укрывавший его плечи, натянул поглубже колпак, вышел из крохотного помещения вниз на палубу и устремил взор вперед.

Поначалу его ожидало разочарование, ибо в кругом, куда ни помотри, был только густой снег. Но желание увидеть город нарастало в нем, сродни боли, и он упорно вглядывался в снежную пелену, не желая терять надежду. Вскоре его упорство принесло плоды, поскольку буря стала ослабевать. Внезапно над головой возник кусочек чистого голубого неба. Над макушками торчавших вдоль берега деревьев он увидел колокольню собора — высотой ровно четыре сотни и еще пять футов, как было известно каждому ученику кингсбриджской грамматической школы. На крыльях каменного ангела, взиравшего на город с наверхия шпиля, сегодня лежал снег, отчего кончики перьев из сизо-серых сделались ослепительно-белыми. Солнечный луч на глазах Уилларда коснулся статуи, и снег заискрился; вышло так, словно ангел благословил путника. А затем снежная пелена снова сгустилась и ангел пропал из виду.

Теперь Нед различал только деревья на берегу, но его воображение рисовало живые картины города. Ему предстояло увидеться, воссоединиться с матерью после года разлуки. Нет, он не станет рассказывать ей, как сильно тосковал, ведь мужчине в возрасте восемнадцати лет надлежит быть самостоятельным и независимым.

Сильнее всего он тосковал по Марджери. Он влюбился в нее — вот уж поистине не придумаешь ничего глупее и несвоевременнее — за несколько недель до отъезда из Кингсбриджа в Кале, этот принадлежавший англичанам порт на северном побережье Франции, где должен был провести целый год. С проказливой и хитроумной дочкой сэра Реджинальда Фицджеральда ему нравилось играть с самого детства. Когда она повзрослела, ее проказливость приобрела новое очарование, в чем Нед признавался себе, глядя на Марджери в церкви. В горле пересыхало, дыхание сбивалось, и он осмеливался лишь смотреть на нее, ведь она была на три года моложе. Однако сама Марджери не стеснялась своих чувств. Они целовались на кладбище Кингсбриджа, под внушительным надгробием на могиле приора Филиппа, монаха, который освятил местный собор четыре столетия назад. В этом долгом и страстном поцелуе не было ничего детского. А потом она засмеялась и убежала.

Но подарила ему новый поцелуй на следующий день. А вечером, накануне его отбытия во Францию, они признались друг другу в любви.

Первые несколько недель разлуки они обменивались любовными посланиями. Родителям о своих чувствах они не говорили, это казалось слишком поспешным шагом, и потому писать открыто не было возможности, но Нед признался во всем своему старшему брату Барни, и тот согласился передавать послания. А затем Барни покинул Кингсбридж и отправился в Севилью. У Марджери тоже был старший брат, Ролло, но ему она доверяла вовсе не в такой степени, в какой Нед полагался на Барни. Поэтому переписка оборвалась.

На чувствах самого Неда отсутствие писем несколько не сказывалось. Он слышал, конечно, что люди говорят о юношеской влюбленности, и потому то и дело проверял себя, ожидая ощутить некие перемены; но те все не наступали. Стоило ему провести в Кале всего несколько недель, как кузина Тереза недвусмысленно дала понять, что он ей сильно нравится и она готова на все, чтобы это доказать. Однако Нед без малейшего труда устоял перед искушением. Он размышлял над этим, удивляясь сам себе, поскольку никогда прежде не упускал случая поцеловать красивую девчонку с круглыми грудками.

А сейчас его беспокоило кое-что еще. Отвергнув Терезу, он пребывал в уверенности, что его чувства к Марджери останутся

неизменными, даже в разлуке, однако теперь он спрашивал себя, что произойдет, когда он ее увидит. Окажется ли Марджери во плоти столь же притягательной, как образ, засевающий в памяти? Переживет ли их любовь воссоединение?

И что случилось с нею? Для четырнадцатилетней девушки год — длинный срок; да, ей уже пятнадцать, но это не имеет значения. Быть может, ее чувства остыли, когда прекратилась переписка. Быть может, она целовалась с кем-то другим у могилы приора Филиппа. Нед признавался себе, что страшно расстроится, если узнает, что она стала равнодушной к нему. И потом, если она по-прежнему его любит, сравнится ли настоящий Нед с теми чудесными воспоминаниями, какие оставались у Марджери?

Буря снова поутихла, и Уиллард увидел, что судно достигло западных предместий Кингсбриджа. По обоим берегам различались мастерские и прочие постройки, нуждавшиеся в обильном водотоке, — красильни, прядильни, бумажные мастерские и скотобойни. Все эти ремесла были весьма, так сказать, пахучими, а потому жилье на западных окраинах наверняка стоило дешево.

Впереди показался остров Прокаженных. Разумеется, название устарело, вот уже несколько столетий прокаженные на этом острове не появлялись. У ближайшей оконечности острова проступали очертания госпиталя Керис, основанного монахиней, что спасла город от Черной Смерти. Когда судно подошло ближе, Нед разглядел за госпиталем великолепные двойные арки моста Мерфина, соединявшего остров с северным и южным берегами. История любви Керис и Мерфина давно сделалась местным преданием, ее рассказывали зимними вечерами у очагов на протяжении поколений.

Суденышко приткнулось к пристани на многолюдной набережной. За минувший год этот город, похоже, не слишком-то изменился. Места вроде Кингсбриджа, как подумалось Неду, вообще меняются очень медленно, ибо соборы, мосты и госпитали строят с тем расчетом, чтобы они стояли вечно.

Через плечо Неда была переброшена дорожная сума, а шкипер судна вручил юноше вторую часть его имущества, деревянный сундучок со сменой одежды, парой пистолетов и горсткой книг. Нед принял сундучок, попрощался — и шагнул на набережную.

Он повернулся было в сторону большого, расположенного у воды каменного амбара, где его семейство обычно вело дела, но

не успел сделать и нескольких шагов, как услышал за спиной хорошо знакомый шотландский выговор:

— Ба, да это же наш Нед! С возвращением!

Голос принадлежал Джанет Файф, экономке его матери. Нед широко улыбнулся, обрадованный такой встречей.

— Я как раз рыбу покупала, твоей матушке на обед, — продолжала Джанет. Она всегда отличалась чрезмерной худобой, и потому казалось, будто она сделана из палок, но эта женщина обожала кормить других. — И тебе тоже перепадет, само собой. — Она окинула юношу любящим взором. — А ты изменился. Лицо подвытянулось, правда, зато плечи стали шире. Тетушка Бланш хорошо тебя кормила?

— Она-то кормила, а вот дядюшка Дик заставлял таскать камни.

— Это разве дело для школяра?

— Да я не против был.

— Малькольм! — позвала Джанет. — Малькольм, погляди, кто приехал!

Муж Джанет, носивший имя Малькольм, был конюхом семейства Уиллардов. Он подошел, заметно прихрамывая: лошадь лягнула его много лет назад, когда он был молод и не умел обращаться с животными.

Тепло пожав Неду руку, Малькольм сказал:

— Старый Желудь помер.

— Жаль, любимый конь моего брата. — Нед спрятал улыбку. Для Малькольма было вполне обыкновенно говорить сперва о животных, а потом уже о людях. — Как моя матушка?

— С хозяйкой все хорошо, хвала Господу, — ответил Малькольм. — И с твоим братом тоже вроде как. Сам знаешь, он не любит писать, да и письма из Испании идут сюда месяц, а то и два. Давай-ка пособию с твоим скарбом, юный Нед.

Уилларду не хотелось сразу идти в родительский дом. У него на уме было другое.

— Может, ты отнесешь этот сундук в дом? — спросил он Малькольма и с ходу придумал оправдание для себя: — Скажи родным, что я пошел в собор, поблагодарить Господа за благополучное возвращение. Скоро приду.

— Ладно.

Малькольм поковылял прочь, а Нед пошел следом, замедляя шаг и любуясь видами, которые помнил с самого детства. Снег